

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 456 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

UURALI KEELTE GRAMMATILINE
ENITUS

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

FENNO-UGRISTICA

ТРУДЫ
ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ

5

TARTU 1978

P. P a l m e o s, Deverbaalsed noomenisufiksid karjala keele Djorž'a murrakus	71
П. П а л ь м е о с, Отглагольные именные суффиксы в держанском говоре карельского языка. Резюме	79
P. P a l m e o s, Deverbale Nominalsuffixe in der Djorž'a-Mundart des Karelisthen. Z u s a m m e n f a s s u n g	80

MATERJALID - МАТЕРИАЛЫ

P. A r i s t e, Komi-Permisches aus Gaincovo	81
П. А р и с т э, Образцы коми-пермяцкой речи деревни Гайнцово. Резюме	100
✓ В. К е л ь м а к о в, Образцы удмуртской речи I. Татышлинский диалект	101
V. К е л ь м а к о в, Udmurtische Sprachproben I. Tatyšly-Mundart. Z u s a m m e n f a s s u n g	122
A. К ü n n a p, Kamassische Gerundiumformen auf -l(V(?))(-), -nV(?)(-)	123
A. К ю н н а п, Камасинские деепричастные формы на -l(V(?))(-), -nV(?)(-). Резюме	144

RETSSENSIOONID - РЕЦЕНЗИИ

B.A. Л я ш е в, Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Сыктывкар, 1975, 267 стр. - Рец. П. А л в р е	145
---	-----

Исследование по фонетике сибирских языков. (Сборник научных трудов под редакцией д.ф.н. Е.И. У б р я т о в о й, д.ф.н. М.И. Ч е р е м и с и н о й, В.М. Н а д е л я е в а), Новосибирск, 1976, 180 стр. - Рец. Ю. М о р е в	152
---	-----

ОБРАЗЦЫ УДМУРТСКОЙ РЕЧИ I. ТАТЫШЛИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

Приведенные ниже сказки и легенды записаны нами в ноябре 1970 года от поэта Пукрокова Фатыхяна Пукроковича, уроженца деревни Вязовка Татышлинского района Башкирской АССР (родился в 1937 году, образование высшее, владеет родным удмуртским, русским, татарским и башкирским языками). Информатор их слышал от своей матери, ныне покойной Пукроковой Малики Давыдовны (родилась в 1896 году в деревне Верхнее Балтачево этого же района, малограмотная).

Эти образцы речи показали, что перед нами совершенно не изученный диалект, который по своим фонетическим особенностям значительно отличается как от южноудмуртских диалектов¹, так и от сопредельных с ним закамских говоров (Янаульский, Калтасинский и другие районы Башкирской АССР и Куединский район Пермской области), занимающих промежуточное положение между южным и т.н. юго-западным² наречиями удмуртского языка.

Детальное знакомство с данными текстами показало, что татышлинский диалект имеет ярко выраженные фонетические особенности, объединяющие его с диалектами юго-западного типа - бавлинским, кукморским и шешминским, - и одновременно отличающиеся от диалектов южного наречия. Например, в области фонемной парадигматики:

I) наличие фонемы $\dot{u}$ - огубленного гласного верхнего подъема (передне-)среднего ряда;

¹ Т.И. Тепляшина, в частности, писала: "К южному диалекту относятся также диалекты, распространенные в северной части Башкирской АССР (в т.ч. и в Татышлинском районе - В.К.)" (Т.И. Тепляшина, Удмуртский язык. - Языки народов СССР III. Южно-угорские и самодийские языки, Москва, 1966, стр. 279).

² Этот термин впервые, как нам известно, был введен в удмуртскую диалектологию В.И. Литкиным (В.И. Литкин, Исторический вокализм пермских языков, Москва, 1964, стр. 19-20).

2) лабиализованный характер δ - гласного среднего подъема (передне-)среднего ряда;

3) заднерядное и более открытое произношение общеудмуртского $\underline{j}$, т.е. употребление $\underline{e}$;

4) употребление в фонемной функции $\underline{u}$ нелабиализованного гласного нижнего подъема передне(-средне)го ряда $\underline{ä}$;

5) утрата фонематического статуса некоторыми аффрикатами и др.

В области фонемной синтагматики:

1) употребление гласного $\underline{u}$ в абсолютном исходе односложных именных и глагольных основ (вместо $\underline{u}$ южноудмуртских диалектов), например: $\underline{v\underline{u}}$: $\underline{vu}$ 'вода', $\underline{g\underline{u}}$: $\underline{gu}$ 'яма', $\underline{nu}$: $\underline{nu}$ 'неси; вези'. Данная особенность характерна для шошминского, бавлинского и лельвижского говоров кукморского диалекта;

2) изменение анлаутного $\underline{j}$ в $\underline{d'z}$, например: $\underline{d'z\underline{u}}$: $\underline{jue}$ 'пьет', $\underline{d'z\underline{er}}$: $\underline{j\underline{ir}}$ 'голова';

3) превращение согласных $\underline{d}$, $\underline{t}$, $\underline{g}$, $\underline{k}$ и некоторых других взрывных в позиции перед сонорными (за исключением $\underline{r}$) звонкими смычными, звонкими аффрикатами и $\underline{v}$ в гортанный смычный (гамзу), например: $\underline{ve'le}$: $\underline{vetle}$ 'ходит', $\underline{odi'nel}$: $\underline{odig}$ $\underline{ni}$ 'одна девушка', $\underline{u'no}$: $\underline{ukno}$ 'окно', $\underline{šere'd'zalo}$: $\underline{šere'kjal\underline{o}}$ 'смеются'. Это явление в определенной мере представлено во всех юго-западных диалектах, встречается оно в закамских, среднежужных говорах и языке бесермян;

4) палатализация анлаутных какуминальных аффрикат $\underline{d\underline{z}}$, $\underline{č}$ в позиции перед $\underline{-V\underline{z}(-)}$, $\underline{-V\underline{š}(-)}$, например: $\underline{d'z\underline{u}žet}$: $\underline{d\underline{z}užit}$ 'высокий', $\underline{č\underline{o}ž}$: $\underline{čež}$ 'утка', $\underline{č\underline{u}ška}$: $\underline{čuška}$ 'ошпарить, обжечь' (явление характерно для кукморского диалекта и закамских говоров) и др.

Кроме того, для татышлинского диалекта свойственны и такие фонетические явления, которые не находят аналогий в других удмуртских диалектах (например, наличие фонемы $\underline{э}$ и палатальной гармонии гласных³), или же отличают его от диалектов юго-западного типа (употребление $\underline{ca}$ в дожде корневых слов вместо $\underline{va}$ в кукморском, бавлинском, шошминском диалектах);

³ В.К. К е л ь м а к о в. Фонема $\underline{э}$ в татышлинском диалекте удмуртского языка. - ОФУ X 1974, стр. 101-106; е г о ж е, Элементы палатальной гармонии гласных в татышлинском диалекте удмуртского языка. - ОФУ IX 1975, стр. 33-42.

ца- имеется еще и в закамских, севернудмуртских и бесермянских говорах.

Во время рекогносцировочной диалектологической экспедиции к татышлинским удмуртам, организованной Удмуртским научно-исследовательским институтом в марте 1971 года, нами были выявлены и некоторые другие фонетические особенности рассматриваемого диалекта (позиционная закрытость/открытость гласных о и е, твердый и полумягкий позиционные варианты веллярного л и др.), которые не удалось уловить в произношении Ф.П. Пукрокова. (В данной публикации они не рассматриваются).

Детальное описание фонетических, морфологических и лексических особенностей данной территориальной разновидности удмуртского языка является делом будущего; цель же настоящей публикации — продолжить ознакомление фольклористов и этнографов с произведениями народной словесности татышлинских удмуртов, начатое зарубежными учеными,⁴ и обратить внимание удмуртских языковедов на то, что диалекты "юго-западного" типа распространены не только на крайнем юге и юго-западе удмуртской языковой области, но и, как выясняется, на юго-востоке. Поэтому эти диалекты целесообразнее по территориальному признаку называть не юго-западными, а периферийно-южными, поскольку они занимают южную периферию удмуртской языковой области и расположены за пределами автономной республики удмуртов. Прежний термин "юго-западные" сохраняется за историческим ядром этих говоров — (пра)шопшминским и (пра)куморским диалектами, вместе взятymi.

По техническим причинам для обозначения звонких аффрикат $\frac{z}{z}$ и $\frac{z}{z}$ употребляются лигатуры соответственно dž и d'ž, неогубленный гласный среднего подъема заднего ряда отмечается знаком e (вместо более целесообразного $\frac{e}{e}$).

---

⁴ R. L a s h, „Gesänge russischer Kriegsgefangener I. Finnisch-ugrische Völker 1. Wotjakische, syrtjanische und permiakische Gesänge. — Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte 203. Bd., 5. Abhandlung; Wien und Leipzig, 1926,„ S. 92-95; B. M u n - k a c s i - D. R. F u c h s, Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken, Helsinki, 1952 (MSFOu 102), S. 478-482, 503-505.

1. šajtan voštem

odik saldat ärmiis barte velem. újin ini vüem so keše ke gurte. odi' mur'len gene, pe, telez žua na. oten ok kóna ke pijosmur'd'žos kuspaze ečešesa ulo. d'žur'len kužojes šue: okkin no, pe, újšor újin mensa, sojoslen mińčo-jisteze iz baštesa vajene uz dište. saldat ečeše no újšor šoren ik mińčoje mane. pere, mińčo guriš iz baštesa pote velem ini, soles kize tódže dišen nel kutem. mon, pe, sole gene šoto tatiš izež, kin mone kešno baštož. "mon bašto", - šuem saldat, nelez aldane ujlasa. nel soke soles kize ležem. saldat ečešonze útem. so ponna mińčo nelenez mar karene u' ni tode. že'ze kú gane medas pote, soke jik šim ažas pukše to'mo nelez: "kú ton mone baštod ini?" d'žel'am saldat ože ulene. "d'žar ke d'žar, pet ke pet" šuem no, kutem no mińčo neles kešno baštem. ogez gene amala: ũarmajez no inäjez no jevel, okkin dore no kunoje u' me.ne.

soles kajgeremze kešnojez valam no šuem: "menam vet'anaj-ataje ũań. to.l'ko soos tuš kúžoken". otijas so ũa.úze raden vera, keže soles anaj luonze baj mur'meskel'l'a, keže anajes kuštesa kel'te soje baj mur'len korkažaž, keže soje so kuspen šajtańnos vošto. sojos, pe, vožmasa gene ulo, kin nelpize kuštož, kin vünetož, soke ik voštene gene ulo. nelpi anaj-ataj šulmen ke,sojoslen o'mar no karemze u' lü.ə. soin šajtańnos ta nelez dešeto velem anaj-atajjosles d'žaratono nelpijoses no baštene: vet' so äd'žami, solen ko.t'kine baštomez lüe. nel ũamentiškem, soin soje šajtańnos ta mińčiye vüesa kuštesa kel'til'l'am. "tene' mi dore šüres kot'kú šogemen. - šüil'l'am sojos. - mi dore lektetek, mi pala karišketek tenad amaled evel: äd'žamijos dore tenat šüresed úremen, sojos tone ässi-jos kuštil'l'am bere, ässijos i' berlań baštetek, tenad äd'žamileke potoned evel ni. noš keše šužijes tone baštož". sebere mar lüiz, kartez äčiz no äjbät tode ini. "täbäre menam anaj no ataj o'd'za ulo. äšmele sojos dore, kot'mar ke no lüiz, ve'lono. vet' oten menam ũimenem

šajtan nel ule. zem, kápči uz lú.ə šsmelen šúresme. šaj-
tanňos olloke.že no surane, d'žermes bettene veroze šsme-
leš. tuš keškastem lúene kule šsmele. tone olloke.že no
aldahe daurtoze, soin ton meneštem keldišketek, o'mar no
en le.šte".

zem no, majij gene keškat't'äl'l'ante sojos. šoraze
pil'em d'žuzda val'l'os no lekto kat'. kijou sojosleš
keškasa, valze ože' gene taká gurež ule uk ko.žete. hules
no pogra kat'soos vele, hure no soos ože' gene uk pe.ro.
nunalaz menesa u'vu.o, ker šoren ik kólono lúe. kóna
šajtan šuaňnos orčo sojos dorti jik! buse šorti taži ik
korka mene kat', bo'-bor'd'žosez gene jewel, ua.ňmes per
a'd'žiške. ua.ňmes šuanen kađ ik: mšskán šedo, ekto,
kerđ'žalo, bórdo. odik kú'd'žem šuaňči korkaš pote no ma-
tis pušet póle jik peresa izesa kel'e. solen srongeteme-
nez bedes dúnne zurkka, der, ollo.

uaň újes čerem no karetek poto kúžpal'l'os. šukažaz
no merdem gene vuo sojos menon intijaze. lektesa korka pe-
ro no, oten zepkajaze tuž ba'd'žen d'žero, ba'd'žen kóto
nelpi kel'l'e. "šijo" no "d'žuo" šana, muket o.kkeše kelez
no, pe, uk to.de. kež ar čóže ini pe' d'želas sultelemti-
áj. "d'žečes-bureš, anaj-ataj", - uažem nel, korkaze pere-
sa. anajezlen ä.ttä bórdesa šimmez no ug a.'d'že ni. "kin-
aj ta taše periz "anaj" šúša? - pajme so. - mil'am nelpi-
me tán ta šana evel". "til'a' nelpide táňi mon, - šúem
soke nelze, - noš taten žuasa beremte serekpujez nelpi
šúša šudesa, verttasa vožiškóde". lektem no zepkajis nel-
pijez baštosa, os pala zergetem. očče so zemen ik žuasa
beremte serekpuj lúsa úšem.

2. šajtan kar

odig äd'žami že'le pužit huleske púlə menem. ve'lem,
ve'lem no odik tu-už zók kós nelpi šótttem. tirze pottesá,
kek-kún pol gene šogene viem no, doras šajtam potem. "mar
kariškot ton, äd'žami?" - pe, šúe. - "bon, ud a.'d'žiške-
ua ma, pí korasko,"-pe šúem äd'žami. - "eň ko-ra tije, -
kúšektiškem šajtan. - mil'am korkame ta". äd'žami vele
účkem no, zemze jik, pe, nelpuən šajtam puskarez uaň. "boň
keže ti so bečča gene intije teriškóde?" - ug o.ske äd'-

žāmi, nos ik tirez borde kermiške. ħelpūes tir teskenes šukke no, sojiz gūmb-gūmp ūaže. "puško velem ta, - malpa ād'žāmi. - korat ke, ōt ke, talen pūez no uz lū. ože ke no, šajtañnos kūžderesa, eššo koramñāške na. šajtan šūe: "en be-tte korkames, so ponna mi tone kūno karesa ležom".

d'žaram, ād'žāmi šajtan šore sooslej karaze pere. pe'lašan ūčkeke, ħelpū seše ji' zō' no jevel kat', noš puškez erken. uk ke terme, korkaze uleno-veleno. "noš mare ti "šajtam puskar" šūiškode, oten mi vož nelpijosmes gene verttasa ižetiškom," - valekte šajtaj kešno. ād'žāmijes šajtañnos šudo-udo no velišas korkaze ħebe' gene ūal'ese iže ne vetto. ūjšor orčiččož, ād'žāmi čerem no uk ka're, sa' gene ule. solen d'žer ūatsas paš ħelpū d'želti d'žuget im a'd'žiške. ūjšor ūad'žes d'žorsen so pašeti mar ke šō' nāstā pere. ād'žāmi ūal'esistez ūaske no odik serge ūatiške. iz velem so paš šoren, gozijen ošemen. šajtan so gozijez vande no, iz la.štrak ūše ūal'es vele. iz ūšemen ūaň dūñne jik zurkka kat'. šajtan ād'žāmijez viji ini" šūša šu.mpotesa, ulišaz ūaskesa iže. ād'žāmi berlaň as ūal'esaz vedē.

šū'na šajtan velišas tube no pajme: ād'žāmile o'mar no lūante. mar šūšne d'žūdāmenez d'žua ini: "d'ža, keže bon ižid, ājbāt-a?" - "d'žež gene iži no, - šūe ād'žāmi, - to.l'ko til'at tarakañnoste-ūa, ma.r-a ūaň. ižoj kuspetim kemesam ūšalize". šajtan šuld'žektesa bižesa ūaske šomñājosez dore: "todiškode-ūa, mar so šūe: tarakañnos, pe, ūšalize kemesam". - "seše ba'd'žen iz kuštesa no-ūa?" - kušektiške kešneež. - "odik čezektemez gene no jevel kemesaž. mar karonu jini tajin?" - pajme šajtan. - "tunne ūjin ton soje d'žerdatem korten čūška", - šūe sole kešnijež.

keketi ūjaz no ād'žāmi soke jik ug i.že, ča'laškesa ule. ūjšor d'žorsen so pašeti čez-čez gor' nāstā pere. ād'žāmi as intijaz ūal'ese pukel'o pone no ačiz ūal'es ule pere. šajtan d'žerdam kort kutesa, keže kule ože čūška ūales veliš pukel'ojež. sebere "ād'žāmijez viji ini" šūša, doraz ižene koške.

šū'na sultesa tube no, ād'žāmijez ħes-ħes šokasa iže.

šajtanleš tubemze šodesa sajka. "tajaz ũje bon šjbät-a ižit?" - d'žua soleš šajtan. - "d'žež gene ižiako val no, urbode ũa.n-a, ma.r-a, o' ũaket kurččeleša herat karize". šajtan ažloleš no orččet šuld'žektosa vũe kešnez dore: "keliško.d-a, sole o'mar no lũamte, meneštem korten čũškamme "urbode kurččelis" šũe". - "äd'žämi jewel so, pũn? sejer, - lũld'zele šajtaj kešno. - mar karono ini sojin, keže soleš d'žerze jewel karono?"

soke so miňčo este. miňčoze sojoslej kort. so kort miňčozez tel kat' d'žerdaččožaz estem no estem. šunde šoren čũ' no d'žerdam kort kad' ug a.d'žiške. äd'žämijez miňčije pervoj ležo. sojos ujlalo velem: äd'žämi menoz no peros so pös miňčije, sebere oččijaz ik čũštäskoz. äd'žämi miňčijaze menem no a.d'že: so tel kad' gor'-gort. mar karone? miňčo doraze jik teze ũaň. äd'žämi vedra kutem no miňčijes sijaččož vũ kiškam. sebere peresa lapča d'žele tubem no kužmistes kešäške: "ej, pös kule! mar taše kal'l'en estide miňčodes?" šajtaňnos šu.mpotesa vuo, äd'žämi čũštäskemenes kešäške, der, šũsa. lektesa ũčko no, sutiškem gene jewel, eššo pös küresa kel'l'e na. doraze berto no, d'žerzes tijasa puko: keže d'žerez mozmetono jini ta o'marle šotiškistem äd'žämileš? d'žeraze odi' d'žaramon no uj u' le.kte. miňčožiš äd'žämize no male ke u' be.rte. mar meda oten d'žerinte jini so šũasa, pizes ũčkene ležo.

äd'žämi miňčo doriš te dure puksem no, goze pũnasa puke. šajtam pi pajmese ũčke soles užamze. äd'žämi puňhosse kijas kel'tesa, gozeze vũe serpalte. sebere goze puňhosse ũače pũne no šajtam pile šote: mä, pe, šó.tte ta gozeleš puňze. šajtam pi gozeleš okpalze keske no, keskemňaz muket palez vũe peresa mene. keske, keske, keske, - gozelen d'želes-puňez evel. šajtam pi žad'žesa dukte. "keti-mati ton seše kũž goze pũnene begatit? - šũe so aprasa, - mar karone derttläkot ton sojin?" - "mo.n-a? - šũe äd'žämi. - gozeleš hukto lešto no täň ta tedes vele žutesa, imme ošesa kel'to". - "e.ne, - keškasa šũe šajtam pi, - sebere mi ketiš vũ d'žũome na, majin miňčije perome?" - "al'i ji' žuto no ošo", - keškate na sije äd'žämi.

šajtam pi bižesa i' doras pere no ũaň kelem-a.d'ženze

anaj-atajezle vera. sojoses kódektesa vuo: "en be-tte ulonmes, keškaštem äd'žämi, kot' marmes kur, temež geneimme en o.še". d'žä bon, äd'žämi žal'am sojosez, tezes isante, so ponna so, pú intije, valez vormemon teresa, al-tenzes vajesa bertem šajtañnosleš.

3. kuaka no pijok.

kemalaš uaškala derjose muzzem velen ošmessos no, šurjos no velemte. okpol immär as doraz d'žužet gurež d'zele pijoken kuakajez öt'em no gurež vežijez güdesa ošmes pottene kosem. pijok soke jik užane keršem, noš kuaka, užam gene jevel, eššo pijo'le mešat' karem.

tuš kema teršem pijok, újze no nunalze no užam. nož odik pol güdem güištez übiškesa jik ošmes potem. kuaka ug o.ske velem, taten ošmes potos šúsa. tábre so vožmaškesa účke vüen pal'kkaškiš, pažáškiš pijok šore. sebere sa luškem gene uañ mugorze nóden naštam no pijo'leš azlo immär dore lobd'žem. immärle so šüem: pijok či' no óz u.ža, menem so užaj gene l'uketiz. ošmes pottesä táñi, pe, mon keše nódáškesa-saptáškesa beri. noš so pijok táñi, o'mar ós kar bere, čelk-čel' mugorenez i' vuož. óze ji' lüem so. pijo' lektesa gene vüem no, immär soje kargasa ležem. "immárez aldamet ponna, - šüem so, - tunne nunalisēn muzzem veliš ton odik čop no vü u' ni d'žus, immiš vüen gene ulot".

tiñi male kós arjose, kema zor ke u' lú, pijok šulemes pozertono kat' mózmet kuarajej kešáške, immärleš zor ku-resa.

4. pipú, kiku no müš.

kemalaš uaškala derjose immär no ášme šäin i' muzzem velen ulem. to'l'ko šajtañnos kutene derttemiš sole veš pe'd'žesa ve'lono lüem. okpol so huleskišēn šajtañnosleš uatiškesa, odik pipú ule perem. so pipú d'zele kiku lektesa pukšem no, kate šil'esa, šajtañnosež öt'em. sojos immárez kotertil'l'am no, pipú borde dümelesa, gol'e' mugoraz vistem-voštem karesa, kada'd'žos šukkelil'l'am. šüres velišēn odiges šajtan duktem no šüem: "ášmijos uañ velteras

šukkelim kadak. šulemaz bon šukkelimu-a medak?" soje miš kelem no, šajtanleš azlo menesa, immärlen šulem uatsas puksem. šajtan küžokišen ik ückem no, immärlen šulem uatsaz no kada' d'žer a'd'žiske. "šukkeliskemme velem, iske", - šüem no berektiskesa koškem.

immär sebere jik imme lobd'žono kariškem. očče tube-mezleš azlo kikuez ot'em no šüem: "ton täböre žal'šš-ko-d-a, male ož lešti šüsa? begatesalet ke, ua-nže vünetesalet. oži ik so luoz. ton ua-nže vünetot". pipüle so šüem: "tannališen ton töltem derja no kual'e'd'žasa ulot". noš müšez ot'em no sole šüem: "mon uk to-diške keže tenet tau karene jik. bon o'd'ža šómähjen, og-o'des lüliš-šulmiš gažasa, kuspade tupasa, og-o'dele d'žurttesa ule. šudde ko-t'kü pačel potesa med uloz".

tiñi so terišen müššos tuš šudo, bajleken, kuspaze tupasa, tatu gene ulo. pipü töltem derja no veš dere'd'žasa sele. noš so kiku so terišen očče jik ua-nže vünete. asles kar no leštene u' va-la so, lešte ke no, berlo uk šö-tte ni. uk to-de so anaj-atajze no, as nelpize no. veranez no solen odik: "kü meda mon taše šuttem lüi, kü-kü? kü beroz menam ta kajgüe, kü-kü?"

5. pašpü šáška.

odig emespi šemek üje uarmaj gurtaz mene velem. pašpü arkaje vüem no pajmem: pašpuolek šimmez baštono kat' d'zu'-d'zuk tódže šáškajen sele. äd'žämi odik šáškaze eš-kaltem no soke jik a'd'žiskemiš duktem. šu-mpotem sole emespi. gurte vüem no bajlen kensaz üsem, vuž dišse ser-pal'l'asa, čež vil' diš dišam. pašpü šáškaze so ku' neras ponem velem. täböre ku'ze üčča, üčča - u' ni šötte. oži ik kutil'l'am soje luškaškon intijaž.

noš muketez oži ik pašpü šáška šöttem no, me-daz eše šüsa, oži ik ku' neras ponem. taiz luškaškene malpamte. ož ke no ve'lesa-ve'lesa, kutes poštem no, paš-pü šáškajes šuj vele kirgam. äd'žämi äjbä' gene menon šáinaz, šuak ped ulištez muzzemze eštem. üččam-üččam kir-gatem šáškaze - šöttemte ni. täböre mene no, o'mar no ug a'd'žiske. mene, mene no, kl'o-oŋk! lékaške keše ke pispüen. mene, mene no keše ke lijal borde kažžaške, mene,

mene no meš d'žar d'želisen piterasa, keše ke ošmese úse.
 "mar karono jin ta, kež tábre ulono", - šusa kajgeresa
 ulon šainaz olloke-tiš só-t-sót šil'wau lektesa vüe. so
 tuzonen main so šures vele kirgasa kel'em pašpú ššakajez
 no žutša koškem. ád'žámile vi-l'ís muzzem a'd'žískem,
 noš so ponna ačis tól a'd'žískemís duktem. solen čášterte-
 mez no vuzemez no keliške, ačiz gene ug a'd'žiske.

6. inos

ku'derja újin bedes imbam d'žu-gak kariške. so, pe,
 ože inos ústiške. inos vorsaskiččož mar ke no verasa ke
 vúttit, so malpane' bedesmetek, pe, us ke-l'e. to-l'ko
 dertemenet d'žangeš verane en šó-tte. odi' nelkešno,
 ože inos ústiškeke, "šudo kar" šuonze "túšo kar" šüem.
 sole soke jik túš potem. odik pijosmurt no "múšte šot"
 šüe velem no, dertemenes "túšte šot" šüem. ože tíni sole
 piges derožaz vüiččož túš potem. odik kuraškiš tolalte
 kežeten pašo gene dišen mene velem busijeti. malpante šo-
 riš inos ústiškem no, so šüem: "ó-ste, immäre, uañ paš-
 šosme čoksa val". oži i' lüem. diš paššosez gene jevel,
 uañ paššosez no čoksaškillám. sebere so emez-neres čok-
 saškesa šokane begatente ni no, očče jik kulem.

7. vúd'žúis

pil'emiš zor ke bere, so, pe, šurjosiš no ošmesšo-
 siš d'žue. to-l'ko so vúd'žúisles uškem inteze tuš, pe,
 šugen šóttene. šudo mur'd'žosle gene, pe, so šüre, so, pe,
 tuž pór'maškiš inte. očče potiškot ke, pinal deret, pe,
 berektiške, seše jik taza, čeber, pinal, pe, lúiškot. pi-
 josmur'len taten nel'l'osmur' lüemes, pe, lüe, nel'l'osmur'-
 len - pijosmurt lüemež. to-l'ko keše pijosmur'len nel ka-
 riskemés potoz meda? keše nellen pijosmur' lüemez us
 po-te. to-íko okšore gene, pe, jevel so pi luonež. tone
 olloke-že no keškatenes veroze, soje uañze čídano.

odi' nellen ože tuz pijosmur'le berektiškemes pote
 velem. ped ažazi ik ošmes dure uškem no a'd'že: vúd'žúis.
 so ule perem no účke: meje'd'žos, túššos keldene keršo.
 noš gurež bañti doraz ik gonder, pe, uške. nel keškasa

vúd' žúis uliś potem. učke no, či' nōkešē gonder evel.
beren účča-účča vúd' žúisse - u' ni šōtte. oži ik
žerijo-paleso kel'e: nel'l' osmurt ke šuono - mejekez
uān, pijosmurt ke šuono - kuarajez vekči.

8. azral'i.

odi' nelkešnolen kartes kulem no, so nūnalle bede
tuś kema bōrdelem, šaj vele lektesa. uān to'moses šuo:
"du.kte jini bōrdemiś, en ve'le nūnalle bede so šaj vele".
okpol so vōt a'd'žem. kartes pe šue: "emme ūseme u' lu.ə,
kežet, ulije no kot, velije no kot". peres tunoči šuem:
ton, pe, ože asleštet kar'de šijkel'i pola' vejetiśkot,
sojin sole kežet, kot. en bōrde ni, ä.ttä šaj vele ve'le-
mištet solen izemez no u' lū.ə. nelkešno ože no duktem-
te šaj vele ve'lemiś. okpol so le.mbet vōrdem-bōrdem no,
žetpal so dore keškano kat' sō.t-sō' nštā potem. šimmes
taba bečča, pe, tel kat' žua. tunoči sole valaktem ini: so
pe azral'i, šajlen kužijez. so, pe, u' d'ža.rate, kuke
veś šaj vele ve'lo. so, pe, kulem mur'd'žosleś izon em-
zes sa'la.

9. a'd'žon

ažlo derja kuraškiśšosle kōlane korkaś korka voššās-
kiś pus lue velem. odi' mur'len kuñ nūnal čōže ini nel-
pijez vordiskene begatetek ulem. so kuspen sojos dore no
pus vūem. korkaze kōlon inte úččasa, kuraškiś kešno perem
no, soje ležete' dertto. sebere vuž korkaze ležil'l'am
ini. kuraškiś očče pere no, gur velaze tubesa, emme
ūsem. kema izesa vūumte, mar ke kuaraos kelesa, ša.rak
potem. gulbeč ōseti korka kuñ peresšos peril'l'am. tōt'-
tōt' čelket šo'deremšosen, odigezlen kijas kinegajez no
telijez uān. so uānželeś no perešges, tuśšosez ik vožek-
tem ini. sojos kenešo mar karēne ta vordiskono nelpijen.
odigez "al'i i' met kulos" šue: male, pe, äššijos vōś
d'žugež gene no uk šo.to. muketes šue: o' das kuat' az
vūiččōž ke no međ uloz ini, uker, pe, nelpi vordemes pote.
berlošše pize oktekeze no ož'ik, pe, tel'meriz uk: "o' das
kuat' ares lūiččōžat ke no ul val-aj, šuande ke no međ

a'd'žesal". "oži i' goštiškom, íške, - šúem vož túšojez,
- das kpat'az, šuanze bere..." odigez arterem na: "šš-
se gú'd'žemaze úšasa..." oži i' goštil'l'am no koškil'-
l'am.

kuraškiš ollo kulem, ollo ulep - kôd kôdektesa potem
vil' konkaze. oten kužo kešnolen pijez vordiškem ini.
kuraškiš uañ kelem-a'd'žemze veram. kužojos soka ji' vóg
d'žugež no šotil'l'am, gú'd'žemaze šobret leštesa po-
nil'l'am no tužgonasa gene vožil'l'am. pizele o'mar to-
detetek dertto velil'l'am, to.l'ko kin-der veram. veš
kajgeresa ve'le velem so.

das kpat' arešas šuanze lúem. pizes šuan úje ko.t'keže
ke no karaulal'l'am, soles pe'lo potemze a'd'žetek kel'il'-
l'am. šu'na sultesa potil'l'am no, pize gú'd'žem šobre'
velen kemaškeša kel'l'e. kulem...

1. Подменная чертями

Один солдат возвращался из армии. Уже ночью дошел он до какой-то деревни. Лишь у одного человека, дескать, горит еще свет. Там несколько мужчин спорят между собой. Хозяин дома говорит, что никто, мол, не посмеет в глухую полночь сходить в их баню и принести оттуда камень. Солдат идет на спор и в полночь отправляется в баню. Заходит, и уже собрался выйти, схватив камень из каменки, /как/ его за руку схватила девушка в белой одежде. Я, говорит, только тому дам отсюда камень, кто возьмет меня в жены. "Я возьму", - сказал солдат, думая обмануть девушку. Девушка тогда отпустила его руку. Солдат выиграл спор. Зато не знает, что делать с девушкой из бани. Когда бы ни выходил вечером из дому, всегда предстает перед глазами та знакомая девушка: "Когда же ты меня возьмешь?" Надоело солдату так жить. Была ни была ('голова так голова, ноги так ноги') - решил он и взял в жены девушку из бани. Одно лишь плохо: нет ни тестя, ни тещи, ни к кому даже в гости не поедешь.

Поняла жена его кручину и сказала: "У меня ведь есть родители. Только они очень далеко". Дальше она рассказывает все по порядку, как ее будущую мать обманул богач, как мать подбросила ее на крыльцо богача, как ее тем временем подменили черти. Они, говорит, только и ожидают, кто бросит ребенка в сердце родителей, они ничего не могут сделать. Поэтому черти учили эту девушку забирать у родителей их любимых детей, ведь она - человек, она может забирать любого. Девушка заупрямилась. Поэтому черти принесли и бросили ее в этой бане. "Для тебя дорога к нам всегда открыта, - сказали они. - Тебе не обйтись без того, чтобы не прийти к нам, не встать на нашу сторону. Тебе /навсегда/ закрыта дорога к людям, раз сами они бросили, тебе не стать больше человеком, пока они сами же обратно не возьмут. А какой дурак тебя возьмет". Что стало потом, муж и сам хорошо знает. "Теперь мои мать и отец живут вместе. Что бы ни случилось, нам нужно к ним съездить. Ведь там под моим именем живет девушка=черт. Правда, не очень легкой будет наша дорога. Черти всячески будут стараться ме-

шать нам, уничтожить нас. Нам нужно быть очень бесстрашными. Тебя они всячески постараются обмануть, поэтому ничего не делай, не послушавшись меня".

И правда, чем только не пугали они /их/. Будто к ним скачут кони высотой до облаков, а зять, испугавшись их, чуть не свернул лошадь под крутую гору. Как будто и лес валится на них, и в болото они чуть не въезжают. За день не доезжают, /им/ приходится ночевать прямо в поле. Сколько свадебных караванов чертей проезжают мимо. Как будто на самом деле движется по полю дом, видны не только стены, но и все наковозь. Все как на свадьбе: играют на гармошке, пляшут, поют, плачут ... Один подвинувшийся свадебщик /как будто/ выходит из дому и, зайдя в ближайшие заросли, засыпает /там/. От его храпа как будто вся земля дрожит.

Всю ночь глаз не смыкали супруги. И на следующий день еле-еле доезжают они до места. Доехав до дому, заходят /и видят/: там в люльке лежит ребенок с очень большой головой и большим животом. Кроме слов "хочу есть", "хочу пить", никаких других он не знает. Уже двадцать лет он не вставал на ноги. "Здравствуйте, мама и папа", - произнесла дочь, зайдя в дом. От постоянного плача у матери уже и глаза не видят. "Кто это называл меня мамой? - удивилась она. - У нас, кроме этого, детей нет". "Это я ваша дочь, - сказала тогда их дочь, - а вы здесь кормите и качаете, вместо ребенка недогоревшую головешку". Подошла к люльке, взяла ребенка и швырнула к дверям. И действительно, он упал туда недогоревшей головешкой.

2. Шайтаново гнездо (логово)⁵

Некто ('один человек') к вечеру поехал в лес за дровами. Ходил, ходил и нашел одну очень толстую сухую пихту. Вынув топор, едва успел ударить два-три раза, /как/ вышел к нему шайтан. "Что ты, человек, делаешь?" - говорит, дескать. - "Не видишь что ли, дрова рублю", - говорит человек. - "Не руби это дерево, - всполошился шайтан, - это наше жилище". Человек посмотрел вверх, и, вправду, на пихте есть "шайтаново гнездо". "Ну, а как умещаетесь в таком ('лишь такой величи-

⁵ Так называют удмурты ведьмину метлу.

ни') местечке? — не верит человек и снова хватается за топор. Ударяет пихту обухом топора, и та издает глухой пустой звук. "Оказывается, дуллистая она, — думает человек, — руби — не руби, у ней и дров-то не будет". Но все же, дразня шайтанов, делает вид, что продолжает рубить. Шайтан просит ('говорит'): "Не руши ('не кончай') наш дом, за это мы тебя угостим ('гость делая пустим')".

Ну, ладно, человек за шайтаном же заходит в их гнездо. Если посмотреть снаружи, пихта вроде бы не так уж толста, а внутри просторно. К тому же ('если нехватает') их дом двухэтажный. "А то, что вы называете ведьминой метлой ('шайтановым гнездом'), так мы качая усыпляем только грудных младенцев", — объясняет ему шайтаниха. Шайтаны человека кормят, поят и укладывают на мягкую постель в верхней половине. Пока не прошла полночь, человек и глаз не смыкает, лежит ('живет') настороже. Над его головой через щель в пихте виднеется светлое небо. Около полуночи через это отверстие входит нечто черное ('что-то черное существо'). Человек сползает с постели и прячется в один из углов. Оказывается, камень был подвешен над этой щелью на веревке. Шайтан срезает эту веревку, и камень глухо падает на постель. От падения камня будто вся земля вздрагивает. Шайтан, обрадовавшись, что уже убил человека, спускается вниз и засыпает ('спит'). Человек снова ложится на свою постель.

Утром шайтан поднимается наверх и удивляется: с человеком ничего не случилось. Не зная, что сказать, спрашивает уж: "Ну, как выспался, спокойно?" — "Довольно хорошо выспался, — отвечает ('говорит') человек, — только у вас тараканы что ли имеются, во время сна падали на мой лоб".

Ошеломленный ('ошеломившись') шайтан бегом спускается к своим домашним: "Знаете, что он говорит — тараканы, дескать, падали на лоб". — "Бросив даже такой большой камень?" — всполошилась его жена. — "Даже красного пятнышка нет на его лбу. Что уж теперь с ним делать?" — недоумевает шайтан. — "Сегодня ночью ты его опали каленым железом?", — советует ('говорит') ему жена.

И во вторую ночь человек сразу же засыпает, все выжидает ('наблюдая живет'). Около полуночи в это отверстие входит что-то ярко-красное. Человек укладывает на свое место в постель чурбан и сам прячется ('входит') под лежанку. Шайтан, взяв раскаленное железо, как следует ('как надо, так') ста-

рается палить лежащий на постели чурбан. А потом, подумав, что уж человека убил, уходит домой спать.

Проснувшись утором, поднимается и /видит/: человек посапывая спит. Почувствовав приближение шайтана ('что поднялся шайтан'), просыпается. "Хорошо ли спал в эту ночь?" - спрашивает его шайтан. - "Спал вроде бы уж хорошо, но клопы что ли у нас есть, в одно время кусали ('кусаля') и не давали покоя". Ошеломленный пуше прежнего, приходит шайтан к жене: "Слышишь, с ним ничего не случилось, я палил его железом, а он говорит "клопы кусали". - "Это не человек, а собачья жила, - вздыхает шайтаниха. - Что уж делать с ним, как его лишить головы?"

Тогда она затапливает баню. Баня у них из железа. Ту баню она топила до тех пор, пока не накалила докрасна. Не солнце она ничуть не кажется раскаленным железом. Человека отправляют в баню первым. Они ожидали ('оказывается, думали'), что человек пойдет и зайдет в ту перекаленную баню и потом там же сгорит. Человек пошел в баню и видит: она красна, как огонь. Что делать? Прямо возле бани имеется озеро. Человек взял ведро и обливал баню до тех пор, пока она не остыла. Затем, зайдя в баню, взобрался на полок и что есть мочи кричит: "Эй, поддайте жару! Что так плохо натопили баню?!" Шайтаны, редуясь, прибегают, думая, что человек кричит, наверно оттого, что опалился. Прибегают и смотрят: человек не то, что опалился, но еще и требует поддать жару ('жар треба лежит'). Возвращаются домой и ломают голову: как же избавиться от этого человека, /которого/ ничем не проймешь? В голову не приходит ни одна подходящая мысль. И из бани человек (тот) почему-то не возвращается. Проверить, что же он еще там вытворяет, отправляют сына.

Оказывается, сел человек возле бани на берез озера и вьет /себе/ веревку. Шайтаненок с удивлением смотрит на его работу. Оставив концы в руке, человек бросает веревку в воду. Затем сплетает концы веревки вместе и отдает /веревку/ шайтаненку: на, мол, найди концы этой веревки. Шайтаненок тянет за одну сторону веревку, и по мере того, как вытаскивает веревка другой стороной постепенно опускается в воду. Тянет, тянет, тянет - нет конца у веревки. Шайтаненок, утомившись, перестает /тянуть/, "Когда это ты успел ('сумел') такую длинную веревку свить? - спрашивает он, удивляясь. - Что ты с ней хочешь делать?" - "Я что ли? - говорит человек, - Сма-

стерю из веревки недоуздок и, подняв вот это озеро, подвешу ('подвесив оставлю') к небу". - "Не /надо/, - испуганно говорит шайтаненок, - тогда откуда мы будем пить воду, чем будем мыться в бане?" - "Сейчас же подниму и подвешу", - пугает его человек.

Шайтаненок прибегает домой и рассказывает родителям все, что видел и слышал. Те, перепугавшись, прибегают: "Не губи нашу жизнь, бесстрашный человек, требуй что угодно, только озеро наше не подвешивай к небу". Ну ладно, пожалел их человек, не стал трогать озеро, а за это он увез, нагрузив на телегу, вместо дров, столько золота у шайтанов, сколько могла везти его лошадь.

3. Ворона и сарыч

Давно в древние времена не было на земле ни родников, ни рек. Однажды бог призвал к себе на высокую гору ворону с сарычем и повелел выкопать на подошве горы ключ. Сарыч тотчас же принялся за работу. А ворона не только не работала, еще и мешала сарычу работать.

Очень долго трудился сарыч, и ночью и днем работал. Вот однажды из выкопанной им ямы сильной струей забил родник. Ворона не верила, что здесь откопается ('выйдет') ключ. Теперь она с завистью смотрит на плещущегося, купающегося сарыча. Затем она тайно извозила все свое тело грязью, раньше сарыча прилетела к богу. Богу она сказала, что сарыч насколько не работал, ей он лишь мешал работать. Роя ключ, вот, мол, я как извозилась, вымазалась. А вот сарыч, раз он ничего не делал, прилетим чистым-пречистым. Так это и случилось. Только прилетел ('придя успел') сарыч, и бог проклял его. "За обман бога, - сказал он, - с этого дня ты не выпьешь из земли ни одной капли воды, а будешь жить лишь /дождевой/ водой с неба".

Вот почему в засушливые годы, когда долго не бывает дождя, сарыч жалобным до разрыва сердца голосом кричит, прося у бога дождя.

4. Осина, кукушка и пчела

Давно в древние времена и бог, как и мы, жил на земле. Однако из-за преследования шайтанов ('оттого, что шайтаны хотели поймать') ему приходилось постоянно прятаться. Однажды он, убегая в лесу от шайтанов, присел ('зашел') под одной осиной. На ту же осину села ('придя села') кукушка и громким кукованием ('громко кукуя') позвала шайтанов. Те окружили бога и, привязав к осине, вбили в его тело несметное число гвоздей. Затем, радуясь, что бог больше не будет им мешать, убежали творить свои темные дела. Дорогой один из шайтанов остановился и сказал: "Мы (с вами) все тело забили гвоздями. А в сердце-то забили?" Это услышала пчела и, прилетев раньше шайтанов, села богу на грудь против сердца. Шайтан издала посмотрел и увидел напротив сердца бога шляпку гвоздя. "Оказывается, вбили", - подумал и, повернувшись, ушел.

Затем бог решил улететь в небо. Перед вознесением туда позвал кукушку и сказал: "Ты теперь жалеешь, почему так поступила? Если бы смогла, ты бы все позабыла. Так это и будет. Ты все позабудешь". Осине он сказал: "С этого дня ты и в безветренную погоду будешь дрожать ('дрожа жить будешь')". А пчелу подозвал и сказал ей: "Я не знаю, как и отблагодарить тебя. Ну, живите в общей семье, сердечно любя друг друга, в согласии и помогая друг другу. Пусть всегда ваше счастье переливается через край".

Вот с этого времени пчелы живут очень счастливо, в богатстве, мире и согласии. Осина и в безветренную погоду все дрожит. А (та) кукушка с того времени сразу все забывает. Она не может себе свить гнездо; даже если и делает, потом уже не находит. Не знает она и своих родителей, и своих детей. И одни у нее слова: "С каких пор я стала такой несчастной, ку-ку, ко-гда?⁶ Когда пройдет эта моя печаль, ку-ку, ко-гда?"

---

⁶ В оригинале непереводаемая игра слов: имитация кукования кукушки kù-kù одновременно означает вопрос когда?

5. Цветок орешника

Один зять в ночь под троицу шел в тещину деревню. Дошел до ореховой рощи и удивился: орешник стоит весь в белых цветах, аж в глазах рябит. Он ('человек') сорвал один цветок и тотчас же стал невидимкой. Обрадовался зять этому. Прибыл в деревню и забрался в кладовую одного богача. Побросав свою ветхую одежду, он оделся в новую, с иголочки. А ореховый цветок он сунул, оказывается, в лапоть. Теперь он ищет, ищет свой лапоть и не находит. Так и поймали его на месте воровства.

А другой так же нашел цветок орешника и, чтобы не потеть, так же сунул в лапоть. Он не думал красть. Однако, пока он ходил, лапти изнасились, и ореховый цветок выпал на землю. Человек спокойно шел и неожиданно потерял землю из-под ног. Искал, искал выпавший цветок - и не нашел. Теперь вот идет - и ничего не видно. Идет, идет и трах! ударяется головой о какое-то дерево. Идет, идет и спотыкается о какой-то пенек, идет, идет и, скатившись с крутого берега, падает в какой-то источник ... "Что же делать, как теперь жить", - и пока он горевал так, откуда не возьмись, нагрянул темный-претемный вихрь. Он вместе с пылью поднял и унес выпавший на дорогу ореховый цветок. Человеку снова стала видна земля, но зато ему не стало видно самого ветра, слышны его шум и вой, лишь самого его не видно.

6. Небесная дверь

Иногда ночью все небо озаряется светом. Это, говорят, так открывается небесная дверь. Если успеешь что-то сказать до закрытия небесной двери, твое желание непременно исполнится. Только второпях не высказись неверно. Одна женщина, когда так открывалась небесная дверь, вместо "сделай счастливой", сказала "сделай бородатой". У нее тотчас же выросла борода. Один мужчина намеревался сказать "дай пчел", но второпях промолвил "дай бороду". Вот так у него выросла борода до колен. Один нищий в зимнюю стужу шел по полю, одетый в дырявую одежду. Неожиданно открылась небесная дверь, и он сказал: "Господи, боже мой, закрыл бы все мои дыры". Так и стало.

Закрылись дыры не только в одежде, но и все остальные. У него закрылись рот, нос, он не мог больше дышать и сразу же умер.

7. Радуга

Когда у тучи кончается вода, она, говорят, пьет ее из рек и родников. Только, мол, очень трудно найти место, где та радуга опускается. Говорят, лишь счастливым удастся его найти. Это очень заколдованное место. Если туда попадешь, то, говорят, возвращается к тебе твоя молодость, становишься таким же здоровым, красивым и юным /как и прежде/. Говорят, там мужчина может превратиться в женщину, женщина - в мужчину. Однако какой мужчина захочет превратиться в женщину? И какая девушка не пожелает стать мужчиной! Только говорят, не так это просто стать парнем. Как только не попытаются тебя нацугать, все это надо вытерпеть.

Одной девушке уж так хотелось превратиться в мужчину. Спустилась она к роднику, что прямо за огородом, и видит: радуга. Встала ('зашла') под нее и смотрит: начинают появляться усы, борода. А по склону горы прямо к ней бежит медведь. Девушка, испугавшись, вышла из-под радуги. Смотрит - нет никакого медведя. Ищет, ищет снова радугу - и не находит. Так и остается она середка на половине: если назвать девушкой - усы есть, назвать мужчиной - голос высокий.

8. Азрали

У одной женщины умер муж, и она, приходя на могилку, ежедневно очень долго плакала. Все знакомые говорят: "Перестань уже плакать, не ходи каждый день на кладбище". Однажды она увидела сон. Муж, дескать, говорит ей: "Не могу уснуть, холодно, и подо мной сыро, и надо мной сыро". Старая ворожея сказала: ты, мол, сама топишь своего мужа в слезах, поэтому ему холодно, сыро. Не плачь больше. Оттого, что постоянно ходишь на кладбище, он и спать не может. Все же женщина не перестала ходить на кладбище. Однажды она проплакала весь день, и под вечер к ней вышло страшное черное-пречерное существо. Глаза, де, со сковороды, горят огнем. Ворожея объяснила уж

ей: мол, это - Азрали, хозяин кладбища. Он, мол, не любит, когда постоянно ходят на кладбище. Он, де, хранит сон покойников.

9. Рок

В прежние времена в деревне существовала переходящая от дома к дому обходная бирка ('знак'), /определяющая очередность/ устройства нищих на ночлег. Одна женщина уже третий день не могла разродиться. Тем временем и до них дошла очередь ('знак'). В поисках ночлега зашла к ним в дом нищая женщина, /но/ выпустить ее не хотят. Потом уж пустили в старый дом. Нищенка зашла туда, и, забравшись на печь, уснула. Поспав недолго, услышала какие-то голоса / и / испуганно проснулась. Через западную в дом прошли трое стариков. В белоснежных холщевых рубахах, в руках у одного книга и перо. Он всех древнее, даже борода позеленела уже. Они советуются, как поступить с этим будущим ребенком ('еще неродившимся младенцем'). Один говорит, чтоб сразу же умер: почему, мол, сами ничего не жертвуют богу. Другой говорит, пусть, мол, уж живет хоть лет до шестнадцати, уж очень ей хочется воспитывать ребенка. На похоронах предыдущего сына так и, говорит, молила ведь: "Пожил бы хоть до шестнадцати лет, увидеть бы /мне/ хоть твою свадьбу". "Значит, так и запишем, - сказал зеленобородый, - на шестнадцатом году, после свадьбы ..." Другой же добавил: "Упав в свой колодец ..." Так записали и ушли.

Нищенка ни жива, ни мертва - побледнев, перешла в новый дом. Там у хозяйки уже родился сын. Нищенка передала им все, что слышала и видела. Хозяйка тогда и жертвоприношение совершили, к колодцу приделали крышку и держали его под замком. Сыну не хотели поведать ни о чем, только ему кто-то рассказывал. И тот постоянно горевал.

В шестнадцать лет состоялась свадьба. Как ни следили за сыном в брачную ('свадебную') ночь, но никто не заметил, как он вышел на улицу. Утром, проснувшись, вышли /и видят/: сын лежит ничком на крышке колодца. Умер ...

V. K e l m a k o v
(Iževsk)

UDMURTISCHE SPRACHPROBEN I. TATYŠLY-MUNDART

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die vorliegenden udmurtischen Sprachproben stellen neun Märchen und Legenden dar, die im Jahre 1970 vom Dichter F. Pukrokov aufgeschrieben worden sind. F. Pukrokov ist 1937 im Dorf Vjasovka (Baschkirische ASSR, Bezirk Tatyšly) geboren. Er hat Hochschulbildung, beherrscht Udmurtisch, Russisch, Tatarisch und Baschkirisch.

Die Sprachproben sind:

1. Die vom Teufel Untergeschobenen.
2. Teufelshöhle.
3. Krähe und Bussard.
4. Espe, Kuckuck und Biene.
5. Nußstrauchblüte.
6. Himmelstür.
7. Regenbogen.
8. Asrali (Friedhofsgespent).
9. Schicksal.

Diese Texte zeigen, daß die Mundart der Tatyšly-Udmurten, die im Südosten des udmurtischen Sprachgebiets verbreitet ist, ihren phonetischen Besonderheiten nach den sogenannten Südwestmundarten (Kukmor-, Šošma- und Bavly-Mundarten) sehr nah ist. Das ermöglicht, sie in eine Dialekteinheit zu vereinigen, die periphersüdlich genannt wird.